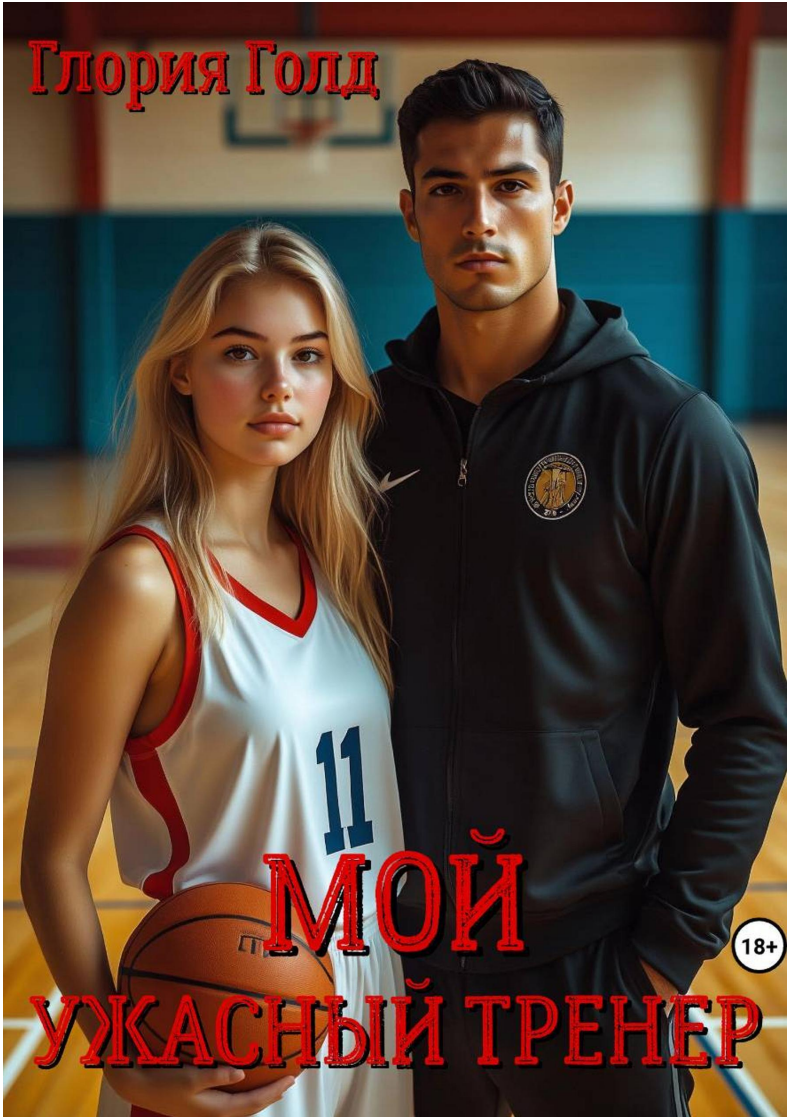

Глория Голд
11
МОЙ
18+
УЖАСНЫЙ ТРЕНЕР

Глория Голд
Мой ужасный тренер

https://litres.ru/73572417
SelfPub; 2026

Аннотация

Рязань, лихие девяностые. Баскетбол – единственное спасение восемнадцатилетней Лики Мирской от серости и беспредела. Но новый тренер, загадочный аргентинец Диего Родригес, превращает её жизнь в ад. Она ненавидит его за унижения при всей команде. Он ненавидит её за острый язык и неповиновение.

Их противостояние – лишь прикрытие для куда более страшной игры. Команда – не просто спортшкола, а рассадник живого товара. Диего – не тренер, а внедрённый агент.

Лика становится его уязвимым местом.

Проходя через поражения, травмы, предательство и вынужденное бегство через пол-Европы, они не замечают, как ненависть перерастает в нечто большее. В опасную, всепоглощающую страсть.

Война, ложь и криминал развели их сначала по разные стороны баррикад. Но что, если единственный способ выжить – довериться тому, кого ты ненавидел больше всего?

Первая книга серии "Вместе навсегда". Остросюжетный роман о любви, которая рождается в аду и становится единственным светом в кромешной тьме.

Содержание

Глава 1. Дьявол в кроссовках 4
Глава 2. Цена доверия 12
Глава 3. Кожа и асфальт 19
Глава 4. Чужие трибуны 26
Глава 5. Разрыв связок 35
Глава 6. Пепел и сталь 45
Конец ознакомительного фрагмента. 53

Глория Голд
Мой ужасный тренер

Глава 1. Дьявол в кроссовках

Рязань, сентябрь 1995.

Воздух в спортивном зале училища олимпийского резерва был густым, как брага из местного подпольного цеха – едкая смесь пота, пыли с разбитого паркета и запаха безнадёги, которая висела над городом с тех пор, как закрылся завод радиозапчастей. Лика Мирская, восемнадцати лет, стояла в планке и слушала, как за окном на улице Есенина кто-то слишком громко заводил «девятку». Стекло дребезжало. Баскетбол был её единственным билетом из этой реальности – реальности разбитых фонарей, обшарпанных подъездов с похабными надписями на стенах и матерей, торгующих на рынке китайским тряпьём с шести утра. Но теперь и этот её мир рушился.

Причиной был он. Новый тренер. Диего Родригес. Какой-то аргентинец, которого директору УОР «посоветовали» взять люди из спонсорской фирмы «Витязь». Фирма эта, как шептались, крышевала полгорода. Родригес ходил перед строем девушек в дорогих, не наших, кроссовках. Всё в нём было чуждым и вызывающим: и заграничные тренировоч-

ные штаны, и манера смотреть сквозь тебя, и коротко стриженные чёрные волосы, и эти руки – сильные, с тонкими шрамами на костяшках.

– Мирская.

Голос у него был низкий, с густым акцентом, который резал слух, делая каждое слово отдельным ударом.

– Объясни мне одно. Твой последний пас. Это был жест отчаяния? Или попытка передать мяч в параллельную вселенную, где ты умеешь играть?

По шеренге пробежал сдавленный смех. Самый звонкий – справа. Юлия Самсонова. Капитан. Дочь того самого Самсонова, у которого был самый крупный ларёк на Центральном рынке и, поговаривали, связи покрепче, чем у мэра. Юлия смотрела на Лику с тем сладким презрением, которое может позволить себе только человек, чей папа платит за новую форму всей команде и «жертвует» на ремонт спортзала.

Лика чувствовала, как жар от щёк поднимается к вискам. Она упёрлась взглядом в трещину на паркете, по которой когда-то прошёлся чей-то каблук.

– Я пасовала на Самсонову, – сквозь зубы выдавила она. – Но, видимо, её внимание в тот момент было приковано к трибунам. Там, наверное, сидел кто-то важный. Из «Витязя», может.

Смешки стихли. Диего перестал ходить. Он подошёл так близко, что Лика увидела его кроссовки – белые, с какими-то непонятными буквами. Наверное, «Адидас» или «Найк».

Такие в Рязани можно было достать только по блату или за бешеные деньги в только что открывшемся «Московском» магазине.

Он медленно опустился на корточки. Его лицо оказалось на уровне её. Он пах не потом и не спортзалом. Он пах дорогим мылом, импортными сигаретами «Мальборо» и чем-то ещё – резким, мужским. Как одеколон «Шипр», который носили только «новые русские» и бандиты.

– Остроумно, – тихо сказал он так, что слышно было только ей. – У тебя язык как бритва. Жаль, что руки как тряпки. Но это исправимо.

Он поднялся, и его тень снова накрыла её.

– Держи планку. Ещё десять минут. Остальные – свободны. Завтра в семь. Кто опоздает – будет мыть полы во всём УОРе. А после тренировки – кросс до Оки и обратно. Всем.

Девушки не сразу двинулись с места. Потом зашаркали кроссовками, зазвенели молнии на спортивных сумках. Лика осталась одна. Нет, не одна. Он остался. Он отошёл к скамейке, сел, закурил. Курить в спортзале было запрещено, но правила, видимо, были не для него. Она чувствовала его взгляд на своей спине, на дрожащих от напряжения руках. Каждая секунда была пыткой. Она слышала, как за окном снова взревел мотор, потом резко затормозил, хлопнула дверца. Крики. Потом выстрел? Нет, скорее всего, хлопок глушителя. Или петарда. В девяностые уже перестали различать.

Через десять минут он хлопнул в ладоши.

– Всё. Иди.

Она не сразу смогла пошевелиться. Когда поднялась, мир поплыл перед глазами. Он всё ещё сидел и курил, глядя в зарешечённое окно.

– Вы приехали из Аргентины? – неожиданно для себя спросила Лика. Она ненавидела его, но пустота после адской нагрузки требовала чем-то заполниться. Хоть словом.

Он медленно повернул голову. В его глазах не было ни злости, ни насмешки. Была усталость. Такая же глубокая, как трещины в асфальте на их улице.

– Из многих мест, коротко ответил он. – Иди переодевайся. И не светись на улице одна. Уже темнеет.

– Я не маленькая, – буркнула Лика.

– Именно потому и говорю, – он бросил окурок на пол и раздавил его подошвой. – В этом городе маленьких просто не замечают. А таких, как ты… – Он не договорил, махнул рукой. – Иди.

В раздевалке было пусто, но на её шкафчике уже красовалась свежая, ещё пахнущая краской надпись: «Шлюха аргентинская». Маркер лежал рядом. Лика стиснула зубы. Юлия. Конечно. Она быстренько переоделась в потрёпанные джинсы и толстовку, вышла через чёрный ход. Вечерело. У подъезда УОРа, как всегда, толпились парни на «москвичах» и «жигулях», курили, громко смеялись. Кто-то крикнул ей вслед:

– Эй, баскетболистка! Куда спешишь? Скрасим жизнь!

Лика натянула капюшон и ускорила шаг. Она жила в районе Приокского, в пятиэтажке-хрущобе. Путь лежал через пустырь и гаражные кооперативы – самые жуткие места в городе. Она уже привыкла. Но сегодня щемило внутри. Не от страха. От чего-то другого. От его слов: «…таких, как ты». От его взгляда. От понимания, что этот аргентинец в кроссовках за сто долларов видел что-то в ней, чего не видел больше никто. И это «что-то», казалось, было ему нужно. Но зачем?

Она не заметила, как с пустыря к ней начали приближаться две тени. Мужские, крупные. Лика инстинктивно свернула в проход между гаражами, почти побежала. За спиной послышались ускоряющиеся шаги.

– Девка, стой! Поговорить надо!

Сердце ёкнуло. Она вжалась в стену гаража, нащупывая в кармане ключи, чтобы зажать между пальцами. Глупая, девичья уловка.

И тут с другого конца прохода раздался резкий, знакомый голос.

– Лика! Быстро сюда!

Она обернулась. В слабом свете уцелевшего фонаря стоял Диего. Он был без куртки, в одной чёрной водолазке, и в руке у него, непринуждённо опущенной вдоль бедра, поблёскивал какой-то металлический предмет. Не пистолет. Слишком короткий. Кастет?

– Я сказал, быстрее! – крикнул он уже жёстче.

Лика рванула к нему. Мимо пронеслась, задыхаясь. Он шагнул вперёд, заслонив её собой, и сказал что-то тем двоим на таком странном, ломаном русском с матерными оборотами, что те замедлились.

– Свои? – услышала Лика хриплый вопрос одного.

– Не твоё дело, – холодно отрезал Диего. – Иди своей дорогой. И больше не шарься тут. Место занято.

Мужчины что-то пробурчали и отступили, растворившись в темноте. Диего повернулся к Лике. Его лицо в полумраке казалось каменным.

– Я же сказал – не светись. Этот район не для прогулок. Особенно сейчас.

– А вы что тут делаете? – выдохнула Лика, всё ещё не веря, что это не сон.

– Свои дела, – он взял её за локоть, крепко, почти больно. – Провожу. До твоего дома. И с завтрашнего дня – никаких прогулок после тренировок. Будешь ждать, пока я не закончу дела, и пойдёшь со мной. Понятно?

Он не спрашивал. Он приказывал. И в его тоне было что-то, не терпящее возражений. Что-то, что шло не от тренерских полномочий, а от какого-то иного, тёмного знания о том, как устроен этот город.

– Понятно, – кивнула Лика.

Они шли молча. Он шёл чуть впереди, его взгляд постоянно скользил по тёмным дворам, подъездам, остановившим-

ся машинам. Он вёл себя как телохранитель. Или как хозяин территории. Лика смотрела на его широкую спину и понимала, что ненависть её куда-то ушла. Её место занял леденящий ужас и жгучее любопытство. Кто он? И почему он появился именно сейчас, когда в городе начали пропадать девушки? Две за последний месяц. Одна – гимнастка из соседнего спорткомплекса. Просто не вышла с тренировки. И теперь он, этот загадочный аргентинец, провожает её, Лику Мирскую, домой, как драгоценную ношу. Или как приманку.

Он остановился у её подъезда. В окне на пятом этаже горел свет – мама вернулась с рынка.

– Заходи, – бросил он, оглядывая двор. – И запомни: что бы ни случилось, никуда не ходи одна. Особенно с малознакомыми. Даже если это кажется безопасно. Особенно тогда.

– Это из-за пропавших? – спросила Лика, замирая на первой ступеньке.

Он посмотрел на неё. В свете тусклой лампочки в подъезде его золотистые глаза были пустыми и бездонными, как два дула.

– Из-за всего, чика. Этот город… он сейчас перемалывает слабых. А таких, как ты, он либо сломает, либо сделает железными. Я здесь для того, чтобы случилось второе. Но для этого ты должна слушаться. Беспрекословно.

Он развернулся и пошёл прочь, не попрощавшись. Лика смотрела, как его фигура растворяется в осенней рязанской тьме, и понимала, что её жизнь только что разделилась на

«до» и «после». До встречи с этим человеком. И после. А что будет «после» – она боялась даже предположить.

Глава 2. Цена доверия

Домой Лика поднималась по тёмной лестнице, пахнущей кошачьей мочой и жареной картошкой, и пыталась осмыслить тот хаос, что бушевал у неё внутри. Страх от нападения в гаражах смешивался с нелепой гордостью – он, Диего Родригес, пришёл её защищать. А ещё – с леденящим душу вопросом: откуда он знал, где она окажется? Следил? В квартире горел свет и пахло пережаренным подсолнечным маслом. Мама, Алла Сергеевна, сидела на кухне с пачкой сигарет «Ява» и считала выручку, разложив мятые купюры и звенящую мелочь по клеёнке стола. – Опоздала, – бросила она, не глядя. Её лицо, когда-то красивое, теперь было обвисшим от усталости и вечного недовольства. – Опять этот ваш баскетбол. Хоть бы стипендию нормальную платили. А то одни расходы на тебя. Лика промолчала, прошла в свою комнату-закуток, отгороженную шифоньером. Она не стала рассказывать про мужчин в гаражах. Мама бы либо не поверила, либо начала бы истерить, а потом пошла бы «разбираться» к директору УОР, что было бы позорно и бесполезно. Она села на кровать и уставилась в темноту за окном. Перед глазами стояло его лицо в свете подъездной лампочки. «Таких, как ты…» Что он имел в виду?

Утром, едва рассвело, Лика уже была в спортзале. Она пришла первой, даже до сторожа. Включила освещение –

несколько ламп дневного света мигнули и зажглись, отбрасывая призрачное сиреневое сияние на пустой паркет. Она начала разминку сама, без команды, без его приказов. Надо было стать сильнее. Быстрее. Неуязвимее. Через полчаса начали подтягиваться другие. Юлия Самсонова вошла не одна – с ней были две её постоянные прихлебательницы, Лена и Света. Все в новых, одинаковых спортивных костюмах, вероятно, папиного «импорта». Юлия, увидев Лику, одну на площадке, сладко улыбнулась.

– О, наша звёздочка уже здесь! – голос её звенел фальшивой нежностью. – Готовится к индивидуальному занятию? Или ночевала тут?

– Отстань, Юля, – тихо сказала Лика, не прекращая растяжку.

– Ага, вижу, настроение ни к чёрту, – Юлия подошла ближе, её духи «Красная Москва» перебивали запах пота.

– Слушай, а правда, что вчера тебя твой аргентинец провожал? Видели. Из окон общежития. Так нежно под ручку вёл. Уже дошло до ручек? Он умеет по-русски хоть что-то сказать, кроме команд? Может, учишь его? Наливаешь чай, поправляешь подушку…

– Самсонова! – Раздался резкий, как щелчок кнута, голос. Диего стоял в дверях зала. Он был в том же чёрном тренировочном костюме, лицо – непроницаемая маска.

– Десять кругов. Бегом. За сплетни на тренировке. Юлия замерла, её улыбка сползла с лица.

– Но, тренер, я же просто…

– Двадцать, – холодно отрезал он. – Или тридцать?

Юлия, покраснев, рывком бросила свою сумку и побежала по дорожке вокруг зала. Лена и Света потупили взгляды. Диего прошёл к центру, его взгляд скользнул по Лике, но не задержался. Казалось, вчерашнего разговора и той тёмной улицы не было. Тренировка в тот день была особенно жёсткой. Диего гонял их до седьмого пота, как будто торопился что-то в них вложить, вбить. Он мало говорил, только отдавал короткие команды, поправлял стойку, жёсткими руками ставил локти, направлял движение. Когда его пальцы касались кожи Лики, она вздрагивала – от неожиданности и от того странного разряда, что проходил по коже. Он не обращал на это внимания. Казалось, он воспринимал их как механизмы, которые нужно настроить. После тренировки, когда все, выжатые как лимоны, поплелись в душ, он остановил Лику.

– Ты останешься. Нужно поработать над броском. Лика почувствовала, как на неё уставились десятки глаз. Юлия, проходя, ядовито прошипела:

– Ну, началось. Удачи, «звёздочка». Зал опустел. Диего подошёл к ней с мячом. – Твой бросок со средней дистанции – он слишком высокий. Тратишь силы. Враг должен видеть мяч меньше секунды перед тем, как он окажется в кольце. Покажи. Она показала. Раз, другой, третий. Он стоял сзади, наблюдал молча. Потом внезапно шагнул вплотную, обхва-

тил её руками, положив свои ладони поверх её рук, держащих мяч.

– Вот так. Локти ниже. Запястье работает так. Он скорректировал её положение своим телом. Она оказалась почти в его объятиях, её спина чувствовала тепло его груди, его дыхание касалось её мокрых у виска волос. Лика застыла, сердце колотилось где-то в горле.

– Не зажимайся, – сказал он тихо, его губы были совсем рядом с её ухом. – Расслабься. Это просто механика. Физика. Дыши. Она вдохнула, пахнущий им воздух. И бросила. Мяч, описав более плоскую, чем обычно, дугу, чисто прошёл сквозь кольцо, даже не задев дужки.

– Видишь? – Он отпустил её, отступил на шаг. Его лицо по-прежнему было серьёзным, но в глазах мелькнуло что-то вроде удовлетворения. – Так. Теперь сама. Десять раз из этой точки. Он отошёл к скамейке, сел, снова закурил. Лика старалась повторять движение, ловя в памяти ощущение его рук на своих. Мяч летел точнее.

– Неплохо, – сказал он, когда она закончила. – Завтра повторим. Теперь – в душ и домой. Жду у выхода через пятнадцать минут.

– Вы правда будете меня провожать каждый день? – не удержалась она. Он посмотрел на неё через дым сигареты. – До тех пор, пока это будет необходимо. Иди.

Когда она вышла на улицу, уже смеркалось. Он ждал, прислонившись к старой «Волге» грязно-бежевого цвета. Таких

машин было полно в городе, они не привлекали внимания.

– Садись, – кивнул он на пассажирскую дверь. – Сегодня поедем. Лика села. Внутри пахло бензином, сигаретным дымом и кожей. Он завёл мотор, и они тронулись. Ехал он молча, внимательно глядя на дорогу и в зеркала. Проехали мимо её дома, не останавливаясь.

– Куда мы? – настороженно спросила Лика. – Покатаемся. Нужно убедиться, что за нами нет хвоста.

– Хвоста? – Она почувствовала, как холодок пробежал по спине. Он не ответил. Они выехали на пустынную дорогу вдоль Оки. Он вдруг резко свернул на грунтовку, ведущую к полуразрушенной дамбе, и заглушил двигатель. Темнота и тишина навалились со всех сторон. Только ветер гудел в щелях «Волги».

– Слушай меня внимательно, – сказал он, повернувшись к ней. Его лицо было освещено только тусклым светом луны, пробивавшимся через грязное стекло. – Вчерашние люди в гаражах – не случайность. И пропажа тех девушек – не случайность. В городе идёт охота. На молодых, спортивных, крепких. На таких, как ты. Лика так и обмерла.

– Охота? Кем? Зачем?

– Зачем – не твоё дело. Кем… – он помолчал, выкинул окурок в открытое окно. – Есть люди, которым нужен «живой товар». Для разных целей. В Россию сейчас много чего везут. И много чего вывозят. Ты – потенциальный товар высокого качества.

– Вы… вы меня пугаете.

– Я пытаюсь тебя предупредить. Твоя команда, твои тренировки – ты как на ладони. И тебя уже присмотрели. Юлия Самсонова, кстати, тоже в группе риска, хоть и думает, что папины деньги её защитят. Дура.

– При чём тут Юля? И при чём тут вы? Кто вы такой на самом деле? – Он вздохнул, устало потёр переносицу.

– Я человек, которого наняли, чтобы этого не случилось. Чтобы вас всех, этот дурацкий женский баскетбол, вывести из-под удара. Или хотя бы минимизировать потери. Моя задача – сделать вас настолько заметными в спортивном плане, чтобы исчезновение любой из вас вызвало слишком много шума. А ещё – научить вас не быть лёгкой добычей. Отсюда и тренировки. Отсюда и… – он махнул рукой, – всё остальное.

Лика сидела, не в силах пошевелиться. Её мир, и так шаткий, рухнул окончательно. Баскетбол, её мечта, её козырь – оказался лишь ширмой для какой-то тёмной, страшной игры. А он – не тренер. Он… охранник? Наёмник?

– Почему вы мне это рассказываете? – спросила она.

– Потому что вижу – ты не сломаешься. И потому что ты самая уязвимая. У тебя нет богатого папы, как у Самсоновой. Нет братьев-бандитов, как у Алины. Ты одна. И твой острый язык тебя не спасёт. Только твои ноги, твои руки и твоя голова. Я хочу, чтобы ты это поняла и начала бороться. Не со мной. За себя. Он завёл машину, развернулся. – Сегодня я отвезу тебя домой. С завтрашнего дня – новый режим. Тре-

нировки, затем – занятия по самообороне. Отдельно. Никто, даже Самсонова, не должен знать, о чём мы говорили. Иначе я не смогу тебя защитить. Понятно?

– Понятно, – прошептала Лика. Они ехали обратно в гнетущем молчании. Он подъехал к её дому, но не заглушил мотор.

– Всё, что я сказал, – между нами. Ни маме, ни подружкам. Это вопрос твоей жизни. Иди. Она вышла. «Волга» сразу же тронулась и растворилась в темноте. Лика стояла у подъезда и понимала, что теперь она в ловушке. Ловушке страха. И единственный, кто стоит между ней и этой бездной, – тот самый человек, которого она ещё вчера ненавидела всеми силами души. Теперь эта ненависть превратилась во что-то тяжёлое, сложное и опасное. В зависимость.

Глава 3. Кожа и асфальт

Индивидуальные занятия начались на следующий же день. После изматывающей общей тренировки, когда команда, ругаясь, покидала зал, Диего кивком удержал Лику. Юлия, проходя мимо, нарочно задела её плечом, громко бросив подругам:

– Смотри, наша трудяга опять остаётся. Наверное, будет «отрабатывать технику». Особую технику.

Смешки затихли за дверью. Диего, не удостоив провожающих даже взглядом, щёлкнул замком на двери зала. Звук поворотного механизма прозвучал для Лики как щелчок капкана.

– Переодевайся, – сказал он, не глядя на неё, и направился в подсобку.

Он вышел оттуда через минуту, держа в руках два комплекта потрёпанной защиты: накладки на голени, предплечья и два шлема, какие носят мотоциклисты. Всё это выглядело странно и пугающе.

– Что это? – недоверчиво спросила Лика.

– Страховка, – коротко бросил он. – Надевай поверх формы. Сегодня будем учиться падать.

Урок был жёстким. Диего не объяснял теорию. Он показывал на себе: как сгруппироваться, как гасить удар плечом, как перекатиться, чтобы встать на ноги. Потом заставлял по-

вторять. Снова и снова. Он бросал её на маты с такой силой, что даже через защиту тело ныло. Его руки, хватавшие её за плечи, бёдра, талию, чтобы скорректировать движение, были безжалостны и точны. От его прикосновений не оставалось синяков, но они прожигали форму, кожу, оставляя память в виде жара и дрожи. Он пах потом, мазью типа «звёздочка» и той же резкой пряностью. Лика пыталась не думать об этом, сосредотачиваясь на боли и на том, чтобы не заплакать от унижения и усталости.

– Хватит, – наконец сказал он, когда она, после очередного жёсткого броска, залёгшая на маты, просто не смогла сразу подняться. – На сегодня достаточно.

Он подал ей бутылку с водой. Рука его коснулась её пальцев. Контакт был мгновенным, но Лика отдёрнула ладонь, будто обожглась. Диего усмехнулся уголком губ, ничего не сказав. Пока она снимала защиту, он стоял у окна, курил и смотрел в осенние сумерки.

– Юлия и её компания усилят давление, – сказал он вдруг, не оборачиваясь. – Теперь, когда ты явно под моей защитой. Будь готова.

– А что я могу сделать?

– Пока – терпеть. И учиться. Скоро сможешь дать отпор иначе.

Он отвёз её домой на своей «Волге». Больше не было разговоров об охоте и пропавших девушках. Молчание было густым, напряжённым. Когда машина остановилась у её дома,

Лика не сразу нашла в себе силы открыть дверь.

– Спасибо, – пробормотала она, не глядя на него.

– Не за что, – отозвался он. – Это работа.

Эти слова обожгли сильнее, чем падения на маты.

Буллинг принял новые, изощрённые формы. В раздевалке на стуле, где лежала форма Лики, кто-то оставил использованный презерватив. Все сделали вид, что не заметили. Только Алина, тихая и вечно испуганная девушка, чей старший брат, как поговаривали, «забивал стрелки» за местный авторитет, шепнула, проходя мимо:

– Брось это в урну. И никому не показывай.

Когда Лика выходила из душа, её ждала «неожиданность» – все её вещи, включая полотенце, были вытащены из шкафчика и сложены аккуратной горкой под струёй ледяной воды из крана. Она стояла мокрая и дрожащая, слушая сдержанный хохот из-за угла. Потом из кабинки вышел Диего. Он не спрашивал, что случилось. Он посмотрел на мокрую кучу тряпья, на неё, потом в сторону смеха. Его лицо не изменилось, но в зале вдруг стало тихо.

– Всем, кто сейчас смеялся, – двадцать кругов вокруг комплекса. Бегом. Если через пятнадцать минут кого-то не досчитаюсь – отчисление из команды. И я лично позвоню вашим родителям, чтобы объяснить причину.

Он говорил тихо, но так, что слышали все. Юлия вышла из-за угла, бледная от злости.

– Тренер, это не мы! Мы просто…

– Тридцать кругов, Самсонова. Или хочешь обсудить это с тем, кто платит за твоё место в команде?

Юлия сжала губы и, бросив на Лику взгляд, полный лютой ненависти, первая выбежала из раздевалки. Диего снял с вешалки свой тренировочный пиджак и бросил его Лике.

– Надень. Доберёшься до дома. Завтра принеси.

Он вышел, оставив её одну в запахе его одежды – табака, пота и той самой пряности. Куртка была на несколько размеров больше, тёплая изнутри, и Лика, закутавшись в неё, почувствовала смешанное чувство защищённости и нового, ещё большего стыда. Она стала его проблемой. Его обузой.

Эротическое напряжение начало просачиваться в самые неожиданные моменты. Во время коррекции броска, когда он, как в первый раз, обнимал её сзади, его бёдра на секунду касались её ягодиц. Она чувствовала жёсткость его мышц сквозь тонкую ткань штанов, слышала его чуть учащённое дыхание у себя над ухом. Однажды, когда он показывал бросок в прыжке, его майка задралась, открыв полоску загорелой кожи на животе и тёмную линию волос, уходящую под пояс штанов. Лика отвела взгляд, но образ врезался в память. Её сны стали странными и тревожными: в них он был то спасителем, выносящим её из огня, то тем самым охотником, который преследует её в тёмных коридорах УОР. Она просыпалась в поту, с тяжёлым, тёплым чувством между ног, от которого становилось стыдно и страшно.

Через неделю случилось первое серьёзное происшествие.

Не пришла на утреннюю тренировку Алина. Вначале никто не придал значения – может, проспала. Но на вечерней тренировке её тоже не было. Диего, выслушав мрачные доклады девушек, велел всем собираться и идти по домам. Его лицо было каменным.

– Мирская, ты остаёшься.

Когда зал опустел, он сел на скамейку и опустил голову на руки.

– Её брат звонил полчаса назад, – сказал он глухо, не глядя на Лику. – Алина не ночевала дома. Её нашли сегодня утром… на свалке за химзаводом. Живую. Но состояние… – Он резко встал, отвернулся. – Её изнасиловали. Избили. Выбили номера на спине раскалённым прутом. Как скоту.

Лика прислонилась к стене, чтобы не упасть. В горле встал ком.

– Номера? Какие номера?

– Три и семь. Код района. Местные паханы так метят чужой товар, который решили отжать или наказать. Её брат полез не в свои дела. Встретился не с тем человеком. Сестру наказали за него.

– Это… из-за нас? Из-за команды?

– Не знаю. Возможно. Или это нам предупреждение. – Он повернулся к ней. Его глаза горели холодной яростью. – С сегодняшнего дня всё меняется. Ты переезжаешь ко мне.

– Что? – Лика не поняла.

– В мою квартиру. На время. Пока не выясним, насколько

это серьёзно. Собирай вещи. У тебя час. Я позвоню твоей матери, всё объясню.

– Вы с ума сошли! Мама никогда…

– Твоя мама, – перебил он жёстко, – уже в курсе. Я говорил с ней вчера. Она согласна. Ей наплевать, Лика. Лишь бы ты была жива и ей не мешала. Она боится больше, чем ты думаешь.

Этот удар был больнее любого другого. Мама знала. Согласилась отдать её этому чужому, загадочному мужчине. Лика почувствовала, как земля уходит из-под ног.

– Где вы живёте?

– В центре. Квартира с решётками на окнах и железной дверью. Безопаснее, чем здесь. Теперь решай. Или со мной, или ты следующая на свалке.

Выбора не было.

Его квартира на улице Ленина оказалась не похожа ни на что, что Лика могла представить. Не обшарпанная хрущёвка, а трёхкомнатная в сталинском доме с высокими потолками. Мебели было мало: книжные стеллажи, забитые книгами на испанском и русском, тяжёлый письменный стол, два кожаных кресла. И везде – следы одиночества мужчины. Ни штор, ни ковров, ни безделушек. На кухне – минимальный набор посуды. В ванной – мужская косметика, лезвия, полотенца. И запах. Его запах. Теперь он был везде.

– Твоя комната там, – он кивнул на дальнюю дверь. – Постельное чистое. Ванная общая. Правила простые: после де-

сяти – никуда. Никаких гостей. Со мной на связи всегда. Выходишь из квартиры – только со мной или по моему звонку. Понятно?

– Понятно, – прошептала она.

– Хорошо. И последнее… – Он подошёл к ней вплотную. Близко, как на тренировке, но теперь между ними не было мяча. – Что бы ты ни думала, что бы ни чувствовала, забудь. Я твой тренер и твой охранник. Ничего больше. Пересекать эту грань – смертельно опасно. Для тебя. Запомнила?

Его взгляд был настолько пронизывающим, что казалось, он читает её самые постыдные мысли, те самые сны. Лика кивнула, не в силах вымолвить слово.

– Отлично. Иди, устраивайся.

Он развернулся и ушёл в свою комнату, закрыв дверь. Лика осталась стоять посреди чужой, пустой гостиной, в центре паутины, которая сжималась вокруг неё всё туже. Страх за свою жизнь смешивался с другим страхом – тем, что пульсировал внизу живота всякий раз, когда он к ней прикасался или просто смотрел таким взглядом. Она была его пленницей. И самым ужасным было то, что часть её уже не хотела сбегать.

Глава 4. Чужие трибуны

Переезд к Диего оказался погружением в иной, параллельный мир. Мир мужской дисциплины, тишины и постоянной настороженности. Утро начиналось не с криков матери, а со стука его кулака в дверь её комнаты ровно в шесть. Он уже был бодр, одет, пах мятной зубной пастой и бритвенным лосьоном.

– Подъём. Пятнадцать минут на сборы. Они бежали кросс вдоль набережной Оки ещё затемно, когда город только просыпался и из подворотен выползали последние пьяницы. Он бежал легко, почти бесшумно, постоянно оглядываясь по сторонам, и Лика, пытаясь не отставать, чувствовала себя не ученицей, а подопечной спецагента в дешёвом боевике. После пробежки – зал. Общая тренировка проходила в новом ключе. Диего стал ещё жёстче, ещё требовательнее. Теперь он не только кричал на Лику, но и на Юлию, и на всех остальных. Атмосфера в команде накалилась до предела. После истории с Алиной – девушка была в больнице под охраной милиции, которую, как шептались, поставил её брат, – страх витал в воздухе осязаемо. Но страх перед Диего стал сильнее. Он превратил их в отлаженный, бездушный механизм. Его методы были жестоки: он сталкивал их друг с другом на полной скорости, заставлял играть на износ, имитируя реальное нападение. Иногда во время таких упражнений кто-

то плакал. Он не обращал внимания. Юлия ненавидела Лику теперь с какой-то животной, открытой злобой. Она видела в ней причину всех бед, предателя, переметнувшегося на сторону «врага». Буллинг стал изощрённее и опаснее. Однажды после душа Лика не нашла свои кроссовки. Вместо них в шкафчике лежала пара старых, рваных кед, явно подобранных на помойке, и записка: «Беги отсюда, пока жива. Следующая будешь ты». Записка была напечатана на компьютере. Лика молча показала её Диего. Он прочитал, лицо не дрогнуло, сложил бумажку в карман.

– Надень мои запасные, – сказал он и ушёл. В тот вечер, когда они вернулись в квартиру, он не пошёл в свой кабинет. Он сел напротив Лики в гостиной.

– Завтра мы уезжаем на первый отборочный турнир в Воронеж. На четыре дня. Всей командой. Ты поедешь со мной в машине. Остальные – на автобусе.

– Почему? – Она знала ответ, но хотела услышать его вслух.

– Потому что автобус могут остановить. Или «случайно» с ним что-то случится в дороге. Моя машина быстрее и манёвреннее. И у меня есть ствол.

Лика остолбенела.

– Оружие?

– Ты думаешь, я полагаюсь только на свои кулаки и кастет? – Он усмехнулся беззвучно. – Чика, мы едем на войну. На войну за вас. И я не собираюсь проигрывать. Иди спать.

Завтра рано вставать.

Путь до Воронежа занял пять часов. Они ехали молча. Диего был сосредоточен на дороге, постоянно глядя в зеркала. Он вёл «Волгу» уверенно, даже агрессивно, обгоняя фуры и старые «Жигули». Лика смотрела в окно на мелькающие жёлто-коричневые поля и думала о том, что покинула Рязань впервые в жизни. Её мир, который раньше ограничивался школой, залом и домом, неожиданно раздвинулся, но вместо свободы она ощущала лишь больший страх. В Воронеже их поселили в унылую гостиницу «Спутник» рядом с Дворцом спорта. Команду расселили по двое. Диего лично проверил все номера, щёлкая замками, стуча по стенам. Лике он сказал:

– Ты будешь в номере 312. Одна. Я рядом, в 314. Дверь не открывать никому, даже если стучатся и говорят, что из администрации. Только мне. Он отдал ей маленькую, похожую на пейджер, кнопку.

– Это тревожная сигнализация. Нажмёшь – у меня в номере завоет сирена. Не теряй.

Первая игра была назначена на вечер. Против местной команды «Факел». Зал был полупуст, пахло нафталином и сыростью. На трибунах сидели в основном родственники игроков да какие-то мрачные типы в спортивных костюмах, явно не имеющие отношения к спорту. Диего, стоя у скамейки запасных, казалось, не следил за игрой. Его взгляд постоянно скользил по трибунам, по выходам, по лицам людей в про-

ходах. Команда играла жёстко, почти отчаянно. Страх сплачивал. Они вели к концу третьей четверти. Лика вышла на замену и сразу же заработала фол за жёсткий подкат. Судья свистел, трибуны ревели. Когда она поднималась с паркета, кто-то с верхних рядов швырнул в неё пластиковый стакан с остатками пива. Пенная жидкость брызнула ей на лицо и плечо. Она замерла от шока. Диего двинулся с места быстрее охраны. Он вскочил на трибуны, и через секунду оттуда раздался крик, а затем глухой удар. Шум на трибуне стих. Диего спустился вниз, вытирая тыльной стороной ладони сбитую с губ кровь. Его взгляд встретился с взглядом Лики. В нём не было ни ярости, ни торжества. Была холодная, практическая целесообразность. Он сделал то, что должен был. Игра возобновилась. Они выиграли. В раздевалке царило приподнятое настроение, даже Юлия не отпускала колкостей. Все быстро переоделись и разошлись по номерам. Лика ждала, сидя на кровати, когда он постучит. Он пришёл через полчаса. На его суставе указательного пальца была содрана кожа.

– Вымой это, – он протянул ей маленькую бутылочку с перекисью и бинт из своей походной аптечки. – И смотри на меня.

Лика, дрожащими руками, принялась обрабатывать рану. Она чувствовала тепло его кожи, твёрдость костяшек. Он сидел на краю её кровати, молчал, смотрел на её опущенные ресницы.

– Ты сегодня хорошо сыграла, – неожиданно сказал он. –

Жёстко. Но правильно.

– Меня облили пивом, – пробормотала она.

– Это ерунда. Хуже могло быть. Тот тип на трибуне… он был не просто хулиган. У него в кармане был нож. И смотрел он только на тебя. Лика вздрогнула, бинт выскользнул из её пальцев.

– Почему?

– Потому что тебя показали по местному телевидению в сюжете о приезде команд. И кто-то, видимо, узнал в тебе «товар». Или решил сделать подарок кому-то, устроив инцидент. – Он взял её за подбородок, заставил поднять глаза. Его пальцы были грубыми и тёплыми.

– Ты должна понять. Теперь ты всегда на виду. И всегда в опасности. Моя работа – эту опасность минимизировать. Но я не Бог. Я могу ошибиться. Поэтому ты должна учиться. Быстрее. Сильнее. Умнее.

Она смотрела в его глаза, такие близкие, и видела в них не только холодный расчёт. Видела усталость. Видела тяжесть той ноши, которую он на себя взвалил. И что-то ещё. Что-то тёмное, глубинное, что пугало и притягивало одновременно.

– Я боюсь, – прошептала она, и это была чистая правда.

– Хорошо, – сказал он, и его голос внезапно стал тише, грубее. – Бойся. Но не зажимайся от страха. Преврати его в злость. В желание выжить.

Он не отпускал её подбородок. Его большой палец провёл по её нижней губе, стёр воображаемую соринку. Жест был

почти нежным, но от него по всему телу Лики пробежала электрическая дрожь. Она замерла, не в силах пошевелиться, не в силах отстраниться. Он видел её реакцию. Видел, как расширились её зрачки, как участилось дыхание. Что-то промелькнуло в его взгляде – борьба, искушение, презрение к самому себе. Он резко отпустил её, встал.

– Спи. Завтра тяжёлый день. Дверь на замок. И положи сигналку под подушку. Он вышел, не оглядываясь. Лика осталась сидеть на кровати, касаясь пальцами губы, которую он только что трогал. Место его прикосновения горело. Внизу живота заклубился тяжёлый, тёплый комок желания, такого острого и постыдного, что она свернулась калачиком, зарывшись лицом в подушку, которая пахла его дезодорантом. Она ненавидела себя за эту слабость. Он был её тренером. Её охранником. Он только что рассказал, что за ней охотятся, как за вещью. А её тело предательски жаждало его прикосновений не для защиты, а для чего-то совсем иного.

На следующий день они выиграли ещё одну игру. Вечером Диего собрал всех в холле гостиницы.

– Завтра – решающий матч за выход в финал. После игры – сразу отъезд. Вещи собрать с утра. Никаких вечеринок, никаких прогулок по городу. Кто ослушается – домой автостопом. Разошлись.

Лика поднималась в номер, когда в лифт вошла Юлия. Девушка была одна. Дверь лифта закрылась.

– Ну что, как поживает наша принцесса в изгнании? – ядо-

вито начала Юлия. – Уютно устроилась в номере одна? Или не одна?

– Отстань, Юля.

– А я и не пристаю. Я восхищаюсь. Нашла себе могучего защитника. Папик твой, что ли? Или просто спонсор? Говорят, у аргентинцев с баблом туго, но с темпераментом всё в порядке. Поделишься впечатлениями?

Лика молчала, сжимая сумку.

– Молчишь? Понимаю. Стыдно. Ведь он тебя на содержании держит, да? Кормит, поит, защищает… а что ты ему за это даёшь, а?

Лифт остановился на третьем этаже. Юлия вышла первой и, проходя мимо, наступила Лике на ногу, надавив подошвой кроссовок изо всех сил.

– Ой, извини, не заметила. Слепая я.

Она ушла к себе в номер. Лика, хромая, дошла до своей двери. Рука сама потянулась к карману, где лежала сигналка. Но нажимать её из-за Юлии? Смешно. Она вошла в номер, закрылась и, прислонившись к двери, медленно сползла на пол. Слёзы текли сами по себе, тихие, горькие. Она была в ловушке. Со всех сторон. Внезапно в окно, выходящее на пожарную лестницу, что-то стукнуло. Лика вздрогнула, вскочила. Стук повторился. Она подкралась к окну, отодвинула занавеску. На железной площадке за стеклом стоял Диего. Он жестом показал ей открыть окно.

– Что вы… – начала она, отпирая раму. – Молчи, – он

влез в комнату. Он был в чёрной водолазке и тренировочных штанах, без обуви.

– Я видел, как Самсонова зашла к тебе в лифт. И слышал, что было. Почему не нажала кнопку?

– Это… это же Юля. Глупо.

– Ничто не глупо, когда речь о безопасности. Она могла ударить. Или ещё что. – Он стоял так близко в темноте комнаты, освещённой только уличным фонарём.

– Ты не должна терпеть это. Завтра я поговорю с ней. Окончательно.

– Не надо, – вдруг вырвалось у Лики. – Тогда станет только хуже.

Он посмотрел на неё долгим, изучающим взглядом.

– Ты права. Тогда придётся действовать иначе. Он сделал шаг вперёд. Лика отступила, пока не упёрлась спиной в стену. Он не останавливался, пока не оказался в сантиметрах от неё. Его руки упёрлись в стену по бокам от её головы, заключив её в клетку из своего тела и его запаха.

– Слушай меня, – его голос был низким, густым, как та ночь за окном. – Я устал от этой игры. От твоего страха, от их подлости, от этой всей грязи. Я здесь, чтобы сломать эту ситуацию. И я начну с тебя. Ты боишься их? Перестань бояться. Покажи им, кто здесь сильнее. На площадке и за её пределами. А для этого… – он наклонился так, что его губы почти коснулись её уха, – для этого ты должна перестать бояться меня.

Его дыхание обжигало кожу. Лика закрыла глаза, сердце колотилось так, что, казалось, вырвется из груди.

– Я… я не боюсь вас.

– Врёшь, – прошептал он. И его губы коснулись не её уха, а шеи. Точнее, того места, где ключица переходит в плечо. Прикосновение было лёгким, почти невесомым, но оно сожгло её, как раскалённое железо. Она вскрикнула, а он в тот же миг отстранился, словно и не было ничего.

– Вот видишь, – сказал он уже обычным, холодным тоном, отходя к окну. – Ты ещё не готова. И слава Богу. Спи. Завтра важный день.

И он исчез в темноте лестницы так же бесшумно, как появился. Лика осталась стоять у стены, касаясь пальцами того места на шее, которое он поцеловал. Оно пылало. И она понимала, что точка невозврата только что была пройдена. Теперь это не просто охота за ней. Это игра между ней и ним. И правила этой игры ей только что показали. Они оказались опаснее и соблазнительнее всего, что было до сих пор.

Глава 5. Разрыв связок

Решающий матч начался в гробовой тишине. Трибуны были заполнены на три четверти, но публика вела себя странно: не скандировала, не шумела, лишь изредка раздавался сдавленный свист. Диего сидел на скамейке запасных, не шевелясь, взгляд прикован к площадке, но Лика чувствовала, что он видит не игру, а всё вокруг – выходы, лица в первых рядах, руки в карманах. Игра шла вязко, нервно. Соперники из Тулы были крупнее, грубее, их игра больше походила на силовое единоборство. Юлия, разгорячённая, полезла в драку после очередного жёсткого заслона. Последовала обоюдная грубость, свистки, крики тренеров. В перерыве Диего не давал установку. Он собрал их в тесный круг и говорил тихо, хрипло.

– Они куплены. Судья тоже. Ваша задача – не выиграть. Ваша задача – выйти отсюда целыми. Играйте в их правилах, но не подставляйтесь. Мирская, ты выходишь на четвёртую. Заменишь Самсонову, у неё уже три фола. Сдерживай их разыгрывающую, но не лезь на рожон. Если что-то пойдёт не так – сразу падай и лежи. Поняли все?

Они вышли на площадку. Четвёртая четверть превратилась в ад. Тулячки, почувствовав слабину, давили беспрестанно. Свистки судьи летели только в сторону «Старз». Лика, пытаясь отдать пас, получила локтем в грудь. Воздух вы-

шибло, она согнулась, но осталась на ногах, глотая слёзы от боли.

Но она не упала. Она ненавидела эту слабость. За пять минут до конца счёт был почти равный. Лика получила мяч на своей половине и пошла в стремительный проход. Оборачиваться было нельзя, она чувствовала за спиной тяжёлое дыхание соперницы. И тут случилось то, чего она не ожидала. Её собственная нападающая, Лена, та самая, что всегда вертелась вокруг Юлии, сделала подножку. Не сопернице. Ей, Лике. Это был едва заметный, но точный выступ кроссовки под её опорную ногу в момент прыжка для броска. Боль, резкая и ослепляющая, пронзила лодыжку с хрустом, который был слышен ей самой даже сквозь шум в зале. Она не закричала. Она просто рухнула на паркет, как подкошенная, и мир сузился до огненной пульсации в ноге. Последнее, что она увидела перед тем, как сознание поплыло, – это лицо Лены, искажённое не злорадством, а животным страхом, и стремительно приближающиеся чёрные кроссовки Диего.

Потом были звуки: свисток, крики, топот. Сильные руки обхватили её под коленями и спиной, резко, но без толчков подняли с земли. Она уткнулась лицом в грудь, пахнущую потом, кожей и той самой пряностью. Он нёс её, не обращая внимания на судью, пытавшегося его остановить, на вспышки фотокамер. Его шаги были быстрыми и твёрдыми. Он нёс её, как вещь, как свою вещь, с которой случилось непоправимое.

– Держись, – сквозь зубы прорычал он, и это было единственное, что он сказал, пока не вынес её из зала в прохладный вестибюль. На улице уже ждала его «Волга». Он уложил её на заднее сиденье, сдёрнул с себя куртку и подсунул под её голову. Его пальцы, быстрые и точные, ощупали лодыжку. Лика вскрикнула от боли.

– Вывих, возможно, трещина, – заключил он мрачно.

– Где все? – прошептала она.

– Команда поедет на автобусе с остальными. Я везу тебя в больницу.

Он сел за руль, и «Волга» рванула с места. Он ехал, нарушая все правила, не обращая внимания на светофоры. По его напряжённой спине, по тому, как сжимался руль, Лика понимала – дело не только в её травме. Через плечо она увидела, как в зеркале заднего вида за ними увязалась тёмная «шестёрка». Диего что-то буркнул себе под нос по-испански, резко свернул в узкий переулок, потом на другую улицу, выполнил разворот на трамвайных путях. «Шестёрка» на секунду отстала, но не исчезла.

– Кто это?

– Не твоя забота. Лежи и не двигайся.

Он подъехал к больнице скорой помощи не с главного входа, а с заднего, служебного. Вытащил её на руках снова, нёс, не глядя по сторонам, прямо в приёмное отделение. Он говорил с врачом не как встревоженный тренер, а как человек, отдающий приказ. Его слова «частная палата», «охрана

у двери», «никаких посетителей» звучали привычно и весомо. Врач, пожилой мужчина с усталыми глазами, кивал, не переча. Диего положил её на каталку в смотровой.

– Сейчас тебя посмотрят, сделают рентген. Я буду за дверью. Никуда не уйду.

Он вышел. Лика лежала и смотрела на потолок, слушая разговор за дверью – его низкий голос и скрипучий голос врача. Потом были рентген, укол обезболивающего, гипс до колена. Диагноз: сложный вывих с разрывом связок. Перелома нет, но играть ближайшие два месяца точно нельзя. Когда её перевезли в палату – действительно отдельную, с решёткой на окне, – зашёл Диего. Он поставил стул у двери и сел, положив руки на колени.

– Лена. Это была она?

– Да. Она мне подставила подножку. Сознательно.

– Почему?

– Не знаю. Испугалась, наверное. Или её заставили.

– Кто?

– Не знаю. Юля, может. Или… те, кто за нами охотится.

Он молчал, глядя в пол. Потом поднял на неё глаза. В них не было прежней холодности. Была почти нечеловеческая ярость.

– Это моя ошибка. Я недооценил, насколько они готовы зайти. Или переоценил их страх. Теперь всё меняется.

– Что изменится?

– Я не могу больше играть в их игру издалека. Ты здесь, в

больнице, в безопасности на пару дней. Мне нужно сделать кое-какие визиты в Рязани. Выяснить, чья это была идея. И пресечь её. Навсегда.

– Вы уедете? Она не хотела, чтобы в её голосе прозвучал этот детский страх, но он прозвучал.

– На сутки. Максимум на двое. Охрана у двери будет из моих людей. Ты будешь в безопасности. Обещаю.

Он встал, подошёл к кровати. Присел на край. Его рука потянулась к её лицу, но остановилась в сантиметре от щеки. Он просто смотрел на неё. На синяк под глазом, на пересохшие губы, на белую кожу на шее, где вчера оставил тот поцелуй.

– Ты выдержала. Сегодня. И раньше. Я… впечатлён.

Он сказал это так, будто признавался в чём-то постыдном. Лика чувствовала, как по её телу разливается тёплая, тягучая волна от обезболивающего и от этих слов. Она подняла руку – ту, что была свободна от капельницы, – и накрыла его руку, всё ещё замершую в воздухе. Его пальцы дрогнули, но он не отнял ладонь. Наоборот, развернул её и сжал её пальцы в своей. Его рука была шершавой, тёплой и невероятно живой.

– Не уезжайте, – прошептала она.

– Мне нужно. Чтобы этого больше не повторилось. Чтобы когда ты вернёшься, тебе не подставляли подножки. Чтобы с тобой разговаривали с уважением. Или не разговаривали вовсе.

Он наклонился. Она думала, он поцелует её в лоб или в щёку. Но он поцеловал её в губы. Коротко, сухо, почти жёстко. Но это был поцелуй. Не тренера. Не охранника. Мужчины.

– Это не должно было случиться, – отстранившись, сказал он хрипло. – Но я не жалею. Спи. Я вернусь.

Он вышел. Лика прикоснулась пальцами к губам. Они горели. За окном стемнело. Она лежала в тихой палате, с гипсом на ноге, с поцелуем на губах и с каким-то диким, невозможным чувством, что всё только начинается. Страх и боль отступили, уступив место чему-то новому, хрупкому и опасному. Она была его. Он был её. И теперь правила игры изменились окончательно.

Он не вернулся через сутки. Не вернулся и через двое. На третьи сутки охрана у двери сменилась. Новый мужчина, коренастый, с лицом боксёра, сказал, что «шеф задержался по делам». Он приносил ей еду, журналы, был вежлив, но на вопросы не отвечал. Лика пыталась звонить Диего на его номер – он не отвечал. Она металась между надеждой и паникой.

На пятый день её должны были выписывать. Утром пришёл врач, сказал, что за ней приедет машина из УОР. Её вещи уже собраны. Лика сидела на кровати в больничном халате, когда в палату без стука вошла Юлия. Она была одна. Выглядела бледной и растерянной, что было для неё нехарактерно.

– Что тебе? – холодно спросила Лика.

– Лена вчера вечером исчезла, – быстро, почти без пауз, выпалила Юлия. – Не пришла домой. Её родители в истерике. Менты ничего не знают. И… и он не выходит на связь. Диего. Мой отец пытался его найти. Его квартира пуста. Машины нет.

Лика почувствовала, как лёд заползает в грудь.

– При чём тут твой отец?

– При том, что он… он один из тех, кто «рекомендовал» Диего на место тренера. Потому что нужно было прикрытие. Для… для наблюдения за командой. За нами. Отец думал, Диего будет на его стороне. Но что-то пошло не так. Они поссорились перед отъездом в Воронеж. А теперь Лена…

– Юля, что происходит? Что за «наблюдение»? Зачем?

Юлия закусила губу. Страх в её глазах был настоящим.

– Я не всё знаю. Знаю только, что есть люди, которые платят большие деньги за… за девушек. Спортивных, здоровых, красивых. Для отправки. За границу. Алина попала под раздачу, потому что её брат что-то не поделил с этими людьми. А нашу команду… нашу команду давно присматривали. Как готовый… товар. Диего должен был контролировать процесс. Отбирать лучших. Сдавать. Но он…

– Но он что?

– Но он не сдал никого. Он начал вас защищать. Особенно тебя. И теперь… теперь он стал для них проблемой. Так же, как и Лена, которая слишком много знала и, наверное, проболталась не тому. Или выполнила приказ плохо. Не знаю. Я

боюсь, Лика. Я боюсь, что мы следующие.

Юлия расплакалась. Лика смотрела на неё, и всё встало на свои места. Угрозы, охрана, оружие, его знание улиц и людей. Он не был охотником. Он был перебежчиком. Он был тем, кого прислали сторожить стадо, а он встал на сторону овец. И теперь за это отвечал.

– Нам нужно что-то делать, – сказала Лика, и её собственный голос прозвучал удивительно спокойно.

– Что? – всхлипнула Юлия.

– Пока ждать. Он сказал, что вернётся. Я верю ему.

В этот момент в палату вошёл коренастый охранник. Увидев Юлию, он нахмурился.

– Тебе здесь не место. Вали.

Юлия, вытирая слёзы, бросила на Лику последний испуганный взгляд и выскользнула за дверь. Охранник подошёл к Лике.

– Собирайся. Машина ждёт. Вас обеих отвезут в Рязань. В общежитие при УОР. Там будет безопасно.

– А Диего?

– Шеф разберётся со своими делами. Он прислал сказать: «Жди».

Это было всё. Но для Лики этого было достаточно. Она собрала свои жалкие пожитки, и охранник отвёз её и Юлию, которая молчала всю дорогу, в Рязань. Их поселили в одной комнате в общежитии, на первом этаже, с решётками на окнах. Охрана стояла и здесь. Жизнь вошла в какое-то стран-

ное, выжидательное русло. Прошла неделя. Лика передвигалась на костылях, училась заново ходить. Команда была распущена на неопределённый срок. Юлия почти не выходила из комнаты. Их никто не трогал. Но чувство ожидания беды висело в воздухе. А потом, ровно через десять дней после того поцелуя в больничной палате, Лика нашла в своём почтовом ящике в общежитии конверт. Без марки, без обратного адреса. Внутри лежала одна фотография. Чёрно-белая, нечёткая, словно сделанная скрытой камерой. На ней Диего. Он лежал на кровати, рука закинута за голову, глаза закрыты. Он был без рубашки. А рядом, прижавшись к его плечу, лежала девушка. Её лицо было скрыто распущенными тёмными волосами, но обнажённое плечо, тонкая шея, очертания тела под простынёй были видны отчётливо. На обратной стороне фотографии было написано одно слово, выведенное неровным, словно дрожащим почерком: «Прощай».

Лика уронила фотографию. Мир, который только начал выстраиваться заново, рассыпался в прах. Он обещал вернуться. Он поцеловал её. И всё это время… он был с кем-то другим. Всё было ложью. Защита, забота, поцелуй – всё было частью его игры. Или оплатой его услуг. Она не знала. Она больше ничего не знала. Только боль в ноге казалась ничтожной по сравнению с той пустотой, что разверзлась у неё внутри. Он не вернулся. Он просто прислал прощальное послание. И она поверила. В тот вечер она сожгла фотографию в пепельнице, наблюдая, как чёрный пепел кружится в

воздухе. Сердце превратилось в комок льда. Она дала себе слово: больше никогда. Никогда не верить. Никогда не подставляться. Игры были закончены. Начиналась война. И на этот раз – её собственная.

Глава 6. Пепел и сталь

Боль от фотографии была сильнее, чем от любого удара. Лика не плакала. Слёзы, казалось, выгорели вместе с тем чёрно-белым снимком. Вместо них внутри поселилась тихая, мертвящая ярость, холодная и точная, как лезвие. Она смотрела на свою отражение в мутном зеркале общежития: бледное лицо, синяки под глазами, губы, сжатые в тонкую белую ниточку. Девочка, которой она была ещё месяц назад, исчезла. Её место занял кто-то другой. Кто-то, кто решил выжить.

Первым делом она выбросила костыли. Нога в гипсе ещё ныла, но она заставляла себя ходить, опираясь на стену, на спинку стула, на плечо безразличной дежурной по этажу. Боль была якорем, который удерживал её в реальности, не давая свалиться в пучину отчаяния. Юлия наблюдала за ней со смесью страха и презрения.

– С ума сошла? Ты её сломаешь окончательно.

– Пусть. Она всё равно уже сломана, – отрезала Лика, стиснув зубы от очередного спазма боли.

– Он тебя кинул. Кинул и ушёл к другой. Ты что, не поняла? Мы все для него были просто разменной монетой.

– Заткнись, Юля.

Тон был таким ледяным, что Юлия действительно на секунду замолчала. Потом фыркнула и уткнулась в журнал. Но

её слова висели в воздухе. «Кинул». «Другая». Лика заставляла мозг работать над этим, как над сложной тактической задачей. Почему фото? Чтобы причинить боль? Отомстить? Или это было предупреждение – «отстань, ты больше не под защитой»? Она склонялась ко второму. Диего не был тем, кто играет в мелкие душевные подлости. Если бы он хотел её бросить – просто исчез бы. Фото было чьим-то посланием. Возможно, тех самых людей, с которыми он уехал «разбираться». Возможно, его самого, но в таком случае… в таком случае это был крик о помощи, замаскированный под предательство. Эта мысль засела в мозгу, как заноза. Она её гнала, но она возвращалась.

Через неделю после выписки из больницы директор УОР Сухарев, грузный мужчина с потными ладонями и бегающими глазами, вызвал Лику в свой кабинет. В комнате пахло дешёвым одеколоном и страхом.

– Садись, Мирская, садись. Нога как? – он не смотрел на неё, перебирал бумаги на столе.

– Срастается.

– Хорошо, хорошо… Слушай, тут такое дело. Команду… временно расформировываем. Обстоятельства. Ты понимаешь. Травма у тебя, у Самсоновой – нервы, другие девочки разъехались… да и тренер наш, Родригес, видимо, покинул место работы. Без объяснений. Не выходит на связь. Мы вынуждены… – он запнулся, вытер лоб платком.

– Вынуждены меня отчислить? – спокойно закончила за

него Лика.

– Нет, что ты! – Сухарев испуганно поднял глаза. – Просто… отпускаем в академический отпуск. До выздоровления. А там посмотрим. Стипендию, конечно, платить не сможем, но место в общежитии… пока останется. Если захочешь.

Он боялся. Боялся её, восемнадцатилетней девочки на костылях. Боялся вопросов, боялся того, что она знает. Значит, давление сверху было серьёзным.

– А что с Леной? И с Алиной?

Сухарев побледнел.

– Не твоё дело, девочка. Милиция разбирается. Ты не лезь не в своё. Отдыхай, лечись. И… будь осторожна. На улице одна не шляйся.

Он её выпроводил, явно радуясь, что разговор окончен. Лика вышла в коридор и упёрлась взглядом в грязный линолеум. Её отстранили. Изолировали. Теперь она была совершенно одна. И это было её главным козырем. На неё перестали обращать внимание.

В тот же день она, преодолевая боль, доплелась до районной библиотеки. Интернета в 95-м в Рязани почти ни у кого не было, но старые газеты хранили многое. Она целыми днями сидела в пыльном читальном зале, листая подшивки местных «Вечёрки» и «Приокской правды» за последний год. Искала любые упоминания о пропажах, о задержаниях, о криминальных разборках. Выписывала имена, на-

звания фирм, фамилии. Постепенно картина начала проясняться. Фирма «Витязь» фигурировала в нескольких статьях о благотворительных пожертвованиях спортшколам. Её директор, некий Виктор Сергеевич Полозов, был уважаемым человеком, членом какой-то общественной палаты. Но в одной из крошечных заметок в криминальной хронике мелькнуло: «…ранее судимые граждане К. и Л. задержаны при попытке вымогательства у представителей фирмы «Витязь». Связь была призрачной, но она была.

Однажды, возвращаясь из библиотеки в сумерках, Лика ощутила знакомое чувство – за ней следят. Она не оборачивалась, просто ускорила шаг, свернула в знакомый двор-колодец, где было три прохода. Спряталась за углом подъезда, затаив дыхание. Через минуту в двор вошли двое мужчин в спортивных костюмах. Они замедлились, огляделись.

– Куда слиняла, хромая тварь? – пробурчал один.

– Наверху сказали – просто напугать. Чтобы язык не распускала.

– Да она и так, похоже, молчит как рыба. Пойдём, холодно.

Они ушли. Лика прислонилась к холодной стене, сердце колотилось где-то в горле. «Напугать». Значит, её деятельность кого-то беспокоила. Значит, она двигалась в правильном направлении.

В общежитии её ждал сюрприз. В комнате на её кровати лежал свёрток. Простая коричневая бумага, перевязанная бечёвкой. Юлии в комнате не было. Лика развязала ве-

рёвку дрожащими пальцами. Внутри лежала её же собственная, пропавшая после нападения в гаражах, любимая толстовка с кенгуру. Она была чисто выстирана и сложена. А под ней – потрёпанная, зачитанная книжка на испанском. Сборник стихов какого-то латиноамериканского поэта. На форзаце чётким, угловатым почерком было написано: «Para que no olvides la lengua. D.» («Чтобы не забыла язык. Д.»)

Она схватила книгу, прижала к груди, вдыхая запах старой бумаги. Это был он. Он дал о себе знать. Не напрямую. Через кого-то, кто мог проникнуть в охраняемое общежитие. Он был жив. И он помнил о ней. Значит, фото – ложь. Или не совсем ложь, но часть чего-то большего. Надежда, острая и болезненная, вонзилась ей в грудь. Теперь у неё была не только ярость. У неё была цель.

Она стала тренироваться. Тайком, по ночам, когда Юлия засыпала, под звуки её храпа. Снимала гипс (рискуя всем, но риск оправдывался – нога заживала) и делала упражнения, которые он когда-то показывал: статику, растяжку, отжимания от пола. Боль была адской, но она скрипела зубами и продолжала. Она вспоминала каждое его прикосновение, каждую поправку, каждый взгляд. Теперь это было не мукой, а учебным пособием. Она училась быть сильной. Не для него. Для себя. Но его образ был неотделим от этой силы.

Через две недели она решилась на отчаянный шаг – пробраться в его квартиру. Ключа у неё не было, но она помнила, что в доме сталинской постройки были общие для всего

подъезда чердаки и подвалы. Выбрав момент, когда охранник у дверей общежития отлучился покурить, она выскользнула на улицу. Добравшись до дома на Ленина, она обошла его с задней стороны. Окно подвала было разбито. Протиснуться было трудно, особенно с больной ногой, но она сделала это, оставив на ржавой раме клочья своей старой кофты. В подвале пахло сыростью и мышами. По памяти она нашла трубу, которая, как ей казалось, вела в его подъезд. Дверь в подвал изнутри была заперта на скобу, но та оказалась старой и проржавевшей. Найдя в хламе обломок арматуры, Лика с силой, от которой свело плечо, поддела её. Скоба со скрежетом поддалась.

Она оказалась в знакомом тёмном подъезде. Сердце бешено колотилось. Поднялась на третий этаж. Дверь в его квартиру была запечатана полоской сургуча с оттиском какой-то печати. Значит, милиция или кто-то ещё уже здесь побывали. Но печать оказалась не милицейская – какой-то герб с неясными буквами. Лика, не раздумывая, сковырнула сургуч ногтями. Замок щёлкнул под отмычкой из двух скрепок – трюк, которому её научил в шутку один парень из соседнего подъезда в детстве. Дверь открылась.

В квартире был полный разгром. Мебель перевёрнута, книги сброшены с полок, матрас на кровати в спальне распорот. Кто-то искал что-то очень конкретное. Лика осторожно прошла по комнатам. Его вещей почти не осталось. Только в ванной она нашла забытую бритву с засохшим кусочком мы-

ла. Она взяла её в руки, чувствуя последнее, что касалось его кожи. Потом осмотрела письменный стол: ящики выдвинуты, бумаг нет. Но под столом, прилепленный жёваной резинкой к нижней стороне столешницы, она нащупала маленький металлический предмет. Это был флеш-накопитель. Редкая, почти диковинная для Рязани середины 90-х вещь. Он его спрятал. Знал, что будут искать.

Лика сунула флешку в карман, как вдруг услышала шаги на лестничной площадке. Голоса. Мужские. Она метнулась к двери, прислушалась.

– …должны были проверить ещё раз. Шеф сказал, что могло что-то остаться.

– Да тут уже всё перерыли вдоль и поперёк. Печать на двери цела?

Лика отпрянула от двери. Выход был отрезан. Она рванула в спальню, к окну. Оно было закрыто на глухую форточку, но основная створка… она дёрнула ручку – окно открылось. Решётка снаружи. Но между прутьями имелось расстояние, а Лика была худая. Отчаяние придало сил. Она просунула голову между холодных железных прутьев, затем плечо. Больная нога зацепилась, она сдержала стон. Снаружи был карниз, ведущий к пожарной лестнице. Шаги за дверью квартиры уже гремели. Кто-то начал сковыривать сургуч. Лика вывернулась, повисла на руках на карнизе и прыгнула на узкую железную площадку лестницы. Удар отдался в больной ноге белым светом перед глазами. Она едва удержалась. Свер-

ху уже раздался звук ломающейся двери. Не оглядываясь, она стала спускаться, цепляясь за обледеневшие перекладины. Ветер рвал одежду. Снизу, со двора, послышался лай собаки.

Она спустилась до второго этажа и спрыгнула в сугроб, прикрывающий трубы теплотрассы. Удар смягчился, но боль в ноге стала невыносимой. Хромая, почти ползком, она выбралась на соседнюю улицу и, почти теряя сознание от боли и адреналина, поймала попутную «копейку». Шофёр, мужик с бутылкой пива между ног, сжалился над «хромоножкой» и довёз её до общежития.

В комнате было темно и пусто. Юлия отсутствовала. Лика, дрожащими руками, включила свет, достала флешку. Но как прочитать её? У неё не было компьютера. Ни у кого в общежитии его не было. Только в компьютерном классе УОР, но туда ночью не пробраться. Она спрятала флешку в самое надёжное место – в полость внутри своего старого баскетбольного мяча, который лежал под кроватью.

На следующий день Юлия так и не вернулась. Её кровать осталась нетронутой. Вечером пришёл Сухарев, ещё более бледный и потный.

– Самсонова… – он мотнул головой. – Её отец забрал. Сказал, отправляет учиться за границу. Срочно. Ты… ты одна теперь. Будь осторожна. И… если к тебе кто-то придёт от Родригеса… ты ничего не знаешь. Поняла? Ничего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.